

Генерал-майор в отставке ван ден Берг, бывший офицер генерального штаба и референт по вопросам мобилизации в Прусском военном министерстве

КТО ГОТОВИЛСЯ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ?

Deutscher Fichte-Bund, выпуск № 401, 1927 год.

Немецкий Союз Фихте (Deutscher Fichte-Bund e.V.) основан в январе 1914.

Эта версия была оцифрована в 1997 году The Scriptorium.

Оригинал: Wer hat zum Weltkrieg gerüstet? Von Generalmajor a.D. van den Bergh, früherem Generalstabsoffizier und Mobilmachungsreferenten im Preußischen Kriegsministerium.

Fichtebundblatt Nr. 401.

Немецкий имперский архив опубликовал специальный сборник документов о немецких военных приготовлениях и военной экономике. Первый том рассматривает военные и военно-экономические приготовления Германии с момента основания Германской империи до начала мировой войны.

Конституция Германской империи 1871 года переняла принцип всеобщей воинской повинности у Северогерманского союза; однако она в статье 60 ограничила численность постоянной армии одним процентом от населения. Это ограничение привело к тому, что большая часть военнообязанных оставалась необученной. С 1874 года численность армии мирного времени должна была устанавливаться законом от случая к случаю. Это происходило за два семилетних срока в 1874 и 1881 годах, тем не менее, настолько скромно, что даже минимальная численность в 1 % не была достигнута.

Это повлекло за собой то, что французская армия была уже в конце семидесятых годов примерно на 30 000 солдат сильнее немецкой, хотя Франция в то время насчитывала на шесть миллионов жителей меньше, чем Германия.

Возникшая по причине подстрекательства французского генерала Буланже опасность войны привела, наконец, в 1887 году к увеличению немецкой армии на 41 000 солдат – однако только после того, как в ходе парламентской борьбы князь Бисмарк посчитал себя вынужденным распустить Рейхстаг. Позднее под впечатлением угрожающих военных приготовлений Франции закон в

1888 году продлил срок службы в ландвере, вследствие чего воинские формирования были усилены более старыми бойцами, но многие десятки тысяч необученных молодых людей не были охвачены.

Вскоре после вступления на трон императора Вильгельма II (1888) у Франции под ружьем было 1,3 % ее населения, у Германии же, напротив, только 0,98 %, а у ее союзника Австро-Венгрии даже всего лишь 0,75 %.

Германия располагала 2,8 миллионами обученных солдат, Франция, в отличие от нее, располагала 3,2 миллионами обученных солдат, число которых вскоре возросло до 4,1 миллиона.

Наконец, этот опасный также с учетом русской угрозы дисбаланс побудил военного министра фон Верди составить план введения всеобщей воинской повинности в духе Шарнхорста. Обусловленное этим планом увеличение численности рекрутов должно было быть достигнуто за несколько этапов. Но рейхсканцлер фон Каприви уже на первом этапе значительно урезал требование военного министра об увеличении призыва (18 000 вместо планировавшихся 40 000).

Когда в ответ на осторожный намек на введение всеобщей воинской повинности разразилась буря негодования в Рейхстаге, рейхсканцлер малодушно отказал в поддержке своему военному министру. После этого Рейхстаг принял решение, которое в принципе выступало против внедрения всеобщей воинской повинности и даже требовало уменьшения срока действительной военной службы с 3 до 2 лет. Вместе с тем без боя отказались от плана, реализация которого, вероятно, уберегла бы Германию от войны и от ее страшных последствий.

1893 год принес двухгодичный срок службы, одновременно под воздействием француско-русского военного союза и численной слабости немецкой армии, увеличил немецкую армию примерно на 60 000 человек. Однако для этого снова потребовался новый роспуск Рейхстага. В течение следующих десяти лет ничего радикального для немецкой армии не происходило. Утешались тем, что уровень подготовки войск компенсирует их количественную слабость, хотя граф Шлиффен (с 1891 по 1905 начальник генерального штаба) снова и снова указывал на значение современных массовых армий. Также последующий период (с 1903 по 1909) принес только незначительные изменения. Военный министр фон Эйнем боялся требовать значительно большие денежные средства для численного увеличения армии и не удовлетворял требования генерального штаба. Да, даже когда рейхсканцлер фон Бюлов, обеспокоенный опасным обострением первого марокканского кризиса (Танжерский кризис), склонял его к значительному увеличению армии, министр отверг это требование. Также новый начальник генерального штаба фон Мольтке полагал, что

может предъявлять только скромные требования и тем самым лучше всего выразить **безусловную волю немецкого народа к миру**.

В первое время нового правительства с лета 1909 года (фон Бетман-Гольвег, рейхсканцлер; фон Гееринген, военный министр) также не произошел рост использования силы немецкого народонаселения.

Затем в 1911 году опасность немецкого положения мгновенно высветил второй марокканский кризис (Агадирский кризис), во время которого также Англия заняла в высшей степени враждебную позицию по отношению к Германии.

Германия обучала 51 % своих военнообязанных, Франция же, напротив, 83 %.

Теперь, наконец, военный министр фон Гееринген принял решение о большем плане, который в мае 1912 года принес Германии два новых корпуса. В генеральном штабе, который вынужден был десятилетиями отказываться от исполнения своих требований, освободились силы, которые настойчиво требовали, кроме того, приведения численности армии в соответствие с численностью народонаселения Германии и вместе с тем снова приняли план военного министра фон Верди еще 1890 года. При этом движущей силой был тогдашний полковник Людендорф как начальник мобилизационного отдела. Людендорф настаивал на более быстром усилении армии и в своем большом прошении к рейхсканцлеру в декабре 1912 года определил новую программу подготовки к войне, которая требовала формирования, как минимум, трех новых корпусов. В ходе начавшейся при этом борьбы задействованных органов власти немецкий император встал на сторону фон Геерингена. Он хоть и не отказался от создания затребованных Людендорфом корпусов вообще, однако, он хотел заняться их формированием лишь позже. Людендорфа как надоедливого напоминающего перевели из генерального штаба на фронт, что было в какой-то мере наказанием.

Еще до того, как о немецком проекте увеличения армии было публично объявлено, французы в феврале 1913 при президенте республики Пуанкаре, влиятельном стороннике политики реванша, прибегли к единственному еще возможному увеличению своей боевой мощи и приняли решение о введении трехлетнего срока службы для всех родов войск.

Декласе, самый ярый враг Германии, стал послом Франции в Петербурге. Россия лихорадочно вооружалась и постоянно оставляла резервистов одного года под ружьем, так что ее армия мирного времени увеличилась на 1,2 миллиона.

Решение об увеличении немецкой армии было принято 3 июля 1913 года. Оно должно было увеличить армию на 135 000 солдат, и этот рост должен был быть достигнут через два года. Тем не менее, после призыва первой части в размере

72 000 рекрутов, оставалось еще 30 000 пригодных и еще 75 000 не полностью пригодных к службе, так что даже теперь всеобщая воинская повинность еще далеко не была достигнута. Вместе с тем численность армии мирного времени составляла в 1914 году

у Германии 761 000 человек (1,08 % населения),

у Франции 775 000 человек (2 % населения, итак, почти вдвое большая доля), без цветных войск.

Так как союзник Германии Австро-Венгрия ограничилась 414 000 солдат (0,9 % населения), у Центральных держав перед войной под ружьем было **1,2 миллиона человек**, тогда как их противники Франция, Россия, Англия, Сербия, Бельгия насчитывали в своих армиях в общей сложности **2,9 миллиона солдат.**

Даже когда убийство австрийского престолонаследника и его супруги дало **сигнал к началу мировой войны**, в прусском военном министерстве **все еще не верили в войну**. Они в полном спокойствии под руководством нового министра фон Фалькенхайна подготавливали новый проект увеличения армии, который должен был быть полностью реализован только в 1916-1917 годах. – **При мобилизации численность немецкой армии военного времени составляла 5,7 % населения, численность французской армии военного времени, напротив, 9 % населения.**

Если бы Германия тоже призвала в армию 9 % своего населения, то немецкая армия была бы сильнее примерно на 2,2 миллиона человек. В целом у противников Центральных держав было численное превосходство приблизительно на три миллиона бойцов, в то время как только в Германии в военнообязанном возрасте находились свыше 5 миллионов мужчин, которые не прошли военную подготовку.

История немецкой политики вооружений и военных приготовлений, как она теперь ясно представлена всем в четких сведениях и цифрах в публикации имперского архива, – это **доказательство немецкого миролюбия и французской воли к войне**. И эта история представляет собой убедительное **опровержение лжи об ответственности немцев за войну**, которая наряду с **ложью о колониальной вине** образует один из самых ядовитых и самых низких примеров клеветы в мировой истории. Если вы хотите знать, как выглядит решительно настроенный на войну народ, тогда посмотрите на тогдашнюю Францию, **ту Францию**, которая обучала военному делу последнего пригодного мужчину, которая тратила **34 % своих государственных расходов на военные цели**, в то время как **Германия выделяла на военные нужды только 15 %**, ту Францию, которая в 1913 году снова ввела **трехлетний срок военной службы** и вместе с тем прибегла к мероприятию, которое вообще

можно было перенести только короткое время, и оно в какой-то мере уже представляло собой частичную мобилизацию.

Эти трезвые цифры о немецкой подготовке к войне доказывают, что немецкое правительство вплоть до последних дней до начала мировой войны верило в сохранение мира. Цифры о французских военных приготовлениях, так же как и действия Пуанкаре, однако, доказывают, что **французское правительство не только всеми силами готовилось к мировой войне, но даже и вызвало ее в союзе с Россией.**

В полном сознании своей огромной вины за начало мировой войны французские государственные деятели добились нарушения мирных условий американского президента Вудро Вильсона, они добились того, что Версальский диктат обременил Германию виной за мировую войну. На этой огромной несправедливости они построили Версальский диктат и создали такие условия, из-за которых на Германию были возложены огромные репарации, выплачивать которые ей пришлось бы на протяжении жизни целого поколения. Эта дань репараций разрушила мировую экономику и лишила примерно 15 миллионов человек денег и хлеба. Таково проклятие Версаля.

Версаль должен пасть!

Приложение

Бездна Версаля

Листовка союза «Фихтебунд» (Союз Фихте), номер 411.

1928 год

Deutscher Fichte-Bund e.V., Reichsbund für Deutschtumsarbeit

Немецкий Союз Фихте, основанный в январе 1914.

Имперский союз германской работы.

Оцифрованная версия, 1996, оцифрована The Scriptorium.

По случаю одной состоявшейся в Люксембурге международной встречи президент Рейхсбанка доктор Ганс Лютер произнес впечатляющую речь о разрушающих мировую экономику последствиях Версальского диктата. В ней он, среди прочего, сказал:

«Выплата дани (репараций – прим. перев.), наложенная на Германию Версальским диктатом и более поздними соглашениями, мешает финансовому и

экономическому порядку, так как такая дань представляет собой не экономически обоснованные, а политические платежи. Это убеждение становится все более распространенным и признанным среди специалистов. Так как, однако, по причинам, которые лежат вне логики фактов, этот вывод не хотят делать, то стремятся уклониться от него. Говорят, что Германия не может так сильно страдать от груза дани, так как из в целом примерно 28 миллиардов, которые она выделяет на общественные цели, включая социальные расходы, только около 2 миллиардов приходится на уплату дани. Затем еще часто добавляют, что налогообложение на душу населения в Германии не больше, чем во Франции или даже однозначно ниже, чем в Великобритании.

Насколько ошибочен такой расчет налогового бремени, станет ясно для каждого, кто представит себе, например, что государство в престижном пригороде крупного города, где расположены виллы и живут преимущественно состоятельные люди, брало бы, исходя из расчета на душу населения, только точно такие же налоги, что и на хуторе на скудной земле. В таком случае все говорили бы о несправедливости государства и потребовали бы введения другого распределения налогового бремени.

Естественным представляется провести сравнение Германии именно с Великобританией, так как обе эти страны страдают от особенно большой безработицы.

В Великобритании сумма подоходного налога, взимаемая с людей, получающих доход свыше 50 000 рейхсмарок, составляет более 70% от общей суммы подоходного налога физических лиц.

В Германии, напротив, эта сумма составляет только 20%.

Различия в стратификации доходов также станут более ясны, если учесть, что Англия и Америка в связи с наличием широкого слоя людей со средними и высокими доходами могут за их счет полностью освободить людей с низким доходом от уплаты подоходного налога. Германия, однако, не может обойтись без налогообложения этих слоев, если ей необходимо получить достаточные налоговые поступления.

В Великобритании, состоящий в браке налогоплательщик с двумя детьми, чей доход состоит исключительно из трудового заработка, если его доход не превышает 8040 рейхсмарок, вообще освобожден от уплаты подоходного налога.

В Германии, однако, такой же налогоплательщик должен выплатить 443 рейхсмарки в год только подоходного налога.

В Америке состоящий в браке налогоплательщик с двумя детьми, если его доход состоит исключительно из трудового заработка, и если его доход не превышает 18 000 рейхсмарок, освобожден от уплаты подоходного налога.

В Германии такой же налогоплательщик должен уплатить подоходный налог в сумме 1690 рейхсмарок в год.

Для того, чтобы точно оценить возросшую по причине уплаты репарационной дани нагрузку на немецкий народ, нужно учесть, в какой степени немецкое национальное богатство было разрушено войной и ее последствиями, и вследствие этого какую большую долю от покупательной способности нации забирают эти выплаты репараций. Выплаченная до сего момента Германией дань и другие разрушения капитала – без потери территорий – уже сейчас могут составлять более половины национального богатства Германии.

Среднегодовое образование капитала в Германии настолько недостаточно как рост национального богатства, что его во всяком случае и близко не хватает для развития естественного роста и выполнения международных обязательств. Доля валового национального дохода от капитальных активов в Германии составляла до войны 13%, сейчас она снизилась до 4-5%. Количество миллионеров упало с 15 500 до войны до 2500 человек. Последняя цифра датируется 1927 годом. С тех пор она еще значительно уменьшилась. В то время как в Германии только 29 налоговых случаев имеют наследство на сумму более одного миллиона рейхсмарок, в Великобритании было 58 налоговых случаев, каждый из которых касался наследства на сумму более 10 миллионов рейхсмарок.

Во всем проявляется эта разница между обедневшим немецким народом и другими народами. Последние имеют крупные запасы капитала, которые помогают им пережить время нужды. Но в Германии эти запасы отсутствуют. Таким образом, два миллиарда репарационных выплат в Германии приобретают совершенно другой облик.

Какой регресс был сделан после войны под лозунгом «построения нового мира»? Я хочу говорить только об экономике.

До войны в Европе было 13 разных валют – сейчас их в Европе 27.

Таможенные границы до войны составляли около 8000 километров – теперь они составляют более 20 000 километров.

Это подавление обмена товарами приводит к метаболическому заболеванию мировой экономики. Германия является наименее свободной в своей таможенной политике, поскольку она должна выплачивать репарационную дань; она не может увеличить свой экспорт в этот защищенный пошлинами мир и поэтому должна делать все возможное, чтобы уменьшить свой импорт. Но идея таможенного перемирия потерпела неудачу не из-за Германии.

Политически, то есть искусственно перемещенная сумма денег уплаты репарационной дани не возвращается в мировую экономику в виде капитала, а

большей частью накапливается. Это широко обсуждаемая сегодня проблема неправильного распределения золота на земле».

Об этом обстоятельстве президент Рейхсбанка д-р Лютер также говорил в своей речи об «Экономическом кризисе и его исправлении» на пресс-конференции Лейпцигской ярмарки:

«Тот факт, что выплаты дани Германии, которые проходят через мир в качестве политических платежей, все больше подрывают экономический организм мира, все чаще признается экономическими экспертами». Деньги, которые Германия платит в виде репараций, идут вверх в гору. Их направляет не экономический уклон, но политический насос толкает их в экономически неправильном направлении: поднявшись на политическую гору, они не спускаются вниз. Политические обстоятельства удерживают эти деньги как барьер и мешают тому, чтобы они перераспределялись как плодородный капитал.

Накопление золота, отмеченное президентом Рейхсбанка, особенно заметно в увеличении золотых запасов Банка Франции. Золотые запасы этого банка составляли:

28 июля 1928 года – 28,9 миллиардов франков.

4 января 1929 года 32,7 (+3,8)

3 января 1930 года 42,4 (+9,7)

2 января 1931 года 53,7 (+11,3)

8 октября 1931 года 60,5 (+6,8)

В течение трех лет золотые запасы Банка Франции выросли на 31,6 миллиарда франков. То, каким большим был этот прирост в одном только 1930 году, подтверждается тем фактом, что золотодобыча всего мира в этом же году значительно отставала от увеличения золотого запаса Банка Франции.

В начале 1931 года золотые запасы Германского Рейхсбанка составляли 2,60 миллиарда рейхсмарок; золотые запасы Банка Англии – 2,88 миллиарда рейхсмарок.

Было подсчитано, что из мировых золотых запасов Северная Америка владеет 37,9%, а Франция – более 16%. Если сравнить золотой запас на душу населения, то во Франции он составляет 40 долларов в золоте, а в Северной Америке 32 доллара в золоте.

В соотношении к численности населения Франция действительно является самой богатой страной в мире.

Из-за огромного накопления золота в Банке Франции произошло значительное увеличение стоимости золота в странах с низким уровнем капитала, особенно

в Германии, что, конечно, привело к увеличению стоимости выплат репараций. От такого ущемления ее интересов Германия была защищена Планом Дауэса.

Франция помешала включить это положение в План Юнга (он же План Янга). В результате стоимость немецкой дани, наложенная Планом Юнга, увеличилась почти на 30% за второй год существования этого плана.

Уже с введением Плана Дауэса Германия была обманута тем, что те выплаты репарационной дани, которые Германия осуществила до сих пор, никоим образом не были зачтены. Когда потом были определены репарации по Плану Юнга, то дань, выплаченную по плану Дауэса, снова просто не учли, хотя эти выплаты составляли около 8 миллиардов рейхсмарок, а включая дополнительные выплаты даже более 10 миллиардов рейхсмарок. Подробности об этом можно найти в листовках «Фихтебунда» № 53 и 391. В общей сложности, до конца 1930 года Германии в результате этих вымогательств пришлось выплатить репарации на сумму более 70 миллиардов рейхсмарок в золоте и ценностях.

Из крайне обедневшей в результате войны, разрушенной инфляцией и распродажей Германии было на основании Плана Дауэса и Плана Юнга выкачано, включая дополнительные выплаты, около 15 миллиардов золотых марок. Каковы были последствия?

Раньше живущий в процветании шестидесятимиллионный немецкий народ должен был кормить более четырех миллионов безработных. Немцы были покупателями и потребителями огромного количества товаров, купленных во всем мире. В бухгалтерских книгах, особенно английских и американских производителей и экспортеров, сегодня отсутствуют суммы, которые ранее платила им Германия. Не говоря уже о деньгах, которые зарубежные страны раньше получали благодаря железнодорожным и морским грузовым перевозкам из Германии. Сколько судов были поставлены на прикол в результате нехватки грузов, сколько фабрик прекратили работу, и сколько офисов и универмагов пришлось закрыть – об этом можно догадаться, исходя из того факта, что в Великобритании насчитывается 2,5 миллиона, а в Северной Америке около 7 миллионов безработных.

Огромный спад в экономике очень сильно обременяет государственную казну почти во всех странах. Бюджет Северной Америки во второй год Плана Янга уже закрылся с потерей доходов около миллиарда долларов. Таким образом, Соединенные Штаты потеряли за один тот год в два раза больше, чем все получатели репараций выжали из Германии в тот же период.

Сколько должен платить английский народ для своих 2,5 миллиона безработных? Сколько денег должны выделить для той же цели все остальные страны, даже те, которые не участвовали в войне?

Все они оказались на краю бездны из-за продолжающегося падения экономики. Бездна эта была создана диктатурой Версаля. Она угрожает процветанию всех народов. К этому выводу уже начали приходить в Великобритании и США, как и в других странах. Только у Франции нет никаких доказательств доброй воли. Она даже саботирует все усилия выдающихся государственных деятелей разных народов, стремящихся добиться перемен. Этот факт в свою очередь отражен в Плане Гувера, который в своей первоначальной форме означал бы передышку для Германии и всего мира. Мало того, что Франция была единственной страной, которая наиболее радикально выступала против этого плана, но она со своей стороны выдвинула новые политические требования и тем самым свела на нет основные идеи Гувера.

Но другого выхода нет: только когда народы помогут разуму победить, они смогут снова вернуть торговлю к жизни.

Версаль должен пасть!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).